

Н.А. Розинская
МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва

Т.А. Дробышевская
МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва

Количественные оценки межпоколенческой мобильности

Аннотация. Статья посвящена межпоколенческой мобильности — одному из важнейших факторов, определяющих уровень фактического социального неравенства в обществе, а также готовность общества с таким уровнем мириться. В первой части работы дается обзор современной литературы, посвященной количественным оценкам межпоколенческой мобильности и межпоколенческой эластичности. Рассматриваются основные показатели и дискуссионные вопросы, связанные с точностью оценки межпоколенческой мобильности, а также методы оценки причин зависимости доходов детей от доходов родителей. Во второй части сделан обзор основных подходов, применяемых в прикладных исследованиях в данной области. Среди рассмотренных подходов — сравнение межпоколенческой мобильности по странам и ее связь с социальным неравенством, изменение межпоколенческой мобильности во времени, а также связь межпоколенческой мобильности с экономическим ростом. Особое внимание в статье уделено результатам прикладных исследований на материале России. Новизна работы заключается в том, что, давая обзор исследований в области межпоколенческой мобильности, авторы отвечают не только на вопрос, что утверждали те или иные исследователи, но и какие методы используются в современной литературе по межпоколенческой мобильности для обоснования выводов.

Ключевые слова: *неравенство доходов, межпоколенческая мобильность, межпоколенческая эластичность, количественные оценки неравенства.*

Классификация JEL: Z13, Z18, O15.

Для цитирования: **Розинская Н.А., Дробышевская Т.А.** (2022). Количественные оценки межпоколенческой мобильности // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 5 (57). С. 93–111. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-57-5-6

1. Введение

Цель статьи — привлечь внимание российской аудитории к проблеме межпоколенческой мобильности и ознакомить читателей с методами ее оценивания, используемыми в статьях, опубликованных в ведущих мировых журналах, что позволит использовать опыт зарубежных коллег для анализа неравенства в России. Под межпоколенческой мобильностью понимается тенденция устойчивой во времени зависимости социально-экономического статуса детей от социально-экономического статуса родителей. Анализируется современная литература по этой тематике, прослеживаются основные направления ведущихся научных дискуссий. Важность данной темы для нашей страны вызвана тесной взаимосвязью между уровнем межпоколенческой мобильности и показателями социального неравенства, являющегося одной из самых острых проблем сегодняшней России.

Начиная с Джона Роулза (Rawls, 1958, 1971), проблема справедливости общественного устройства все чаще рассматривается в литературе не с точки зрения неравенства доходов, а с точки зрения неравенства возможностей. Идея

равенства возможностей («жизненный успех зависит от твоих усилий, а не от того, где и кем ты родился») является одной из ключевых составляющих системы ценностей рыночной экономики. Исследованию данного вопроса посвящено много работ. Но, если во второй половине XX в. работы были в основном теоретическими, то на современном этапе, с увеличением объема доступной ученым информации, расширением возможностей ее собирать и обрабатывать, с развитием компьютерных технологий появилась возможность протестировать существующие гипотезы.

Пытаясь выяснить отношение людей к неравенству, исследователи провели множество экспериментов, результаты которых согласуются с идеями, высказанными ранее, в том числе и Дж. Роулзом. Эксперименты показали, что люди готовы мириться с неравенством, если считают, что неравенство вызвано различием персональных усилий, а не фактом рождения или другими обстоятельствами, которые оказались объективно не доступными для других индивидов, например удачей (Cappelen, Konow, Tungodden, 2013; Almas et al., 2010; Schokkaert, Devooght 2003; Gaertner, Schwettmann 2007). Таким образом, перед исследователями встал вопрос количественной оценки неравенства, которое передается от одного поколения к другому.

Одним из первых, кто пытался понять, каковы шансы детей из определенной социально-экономической группы переместиться в более высокую, был основоположник американской социологии Питирим Сорокин (Сорокин, 1992, первоначально опубликовано в 1927), Он назвал этот процесс социальной мобильностью и исследовал уровень социальной мобильности в различных регионах мира.

На современном этапе в качестве главных показателей социальной мобильности используется межпоколенческая мобильность и межпоколенческая корреляция. В литературе по данному предмету можно выделить несколько направлений: общетеоретические и методологические работы, где обсуждаются вопросы правильности используемых спецификаций моделей и оценок; эмпирические работы, где делаются попытки оценить показатели межпоколенческой мобильности и корреляции на доступных данных, и работы, где оцениваются результаты государственной политики в данной сфере. В статье не ставится задача дать всеобъемлющий обзор литературы на тему межпоколенческой мобильности, так как число публикаций на данную тему достаточно велико и продолжает расти исключительно высокими темпами. Акцент сделан на наиболее интересных методологических и эмпирических исследованиях в данной области. В первой части рассматриваются основные применяемые показатели, дискуссионные вопросы, связанные с точностью оценки, а также методы оценки причин зависимости доходов детей от доходов родителей. Во второй части дан обзор основных и наиболее, на наш взгляд, интересных направлений и результатов эмпирических исследований в данной области, в частности, рассмотрены следующие вопросы: сравнение межпоколенческой мобильности по странам и ее связь с неравенством; изменение межпоколенческой мобильности во времени; связь межпоколенческой мобильности с экономическим ростом; результаты исследований по России.

2. Основные показатели и дискуссия о правильности оценивания

Начиная со второй половины XX в. многие исследователи видели одной из важнейших задач доказать наличие либо отсутствие корреляции между благосостоянием родителей и их детей, а при наличии корреляции — максимально точно оценить ее и межпоколенческую мобильность (Solon, 1992; Roemer, 2004; Corak, 2013; Roemer, Tranno, 2016).

В литературе выделяют различные характеристики межпоколенческой мобильности. Абсолютная межпоколенческая мобильность в когорте характеризуется долей детей, чьи доходы выше доходов их родителей (Kennedy, Siminski, 2021). Измерение абсолютной мобильности представляется важным, так как увеличение данного показателя однозначно показывает улучшение ситуации: повышение доходов детей из одной группы при фиксированном доходе детей из других групп (*ibid.*).

Другой характеристикой межпоколенческой мобильности является относительная мобильность, которая показывает склонность детей занимать иное положение в распределении доходов, — отличное от положения их родителей, т.е. отвечает на вопрос «Каковы достижения детей из малообеспеченных семей по сравнению с детьми из высокодоходных семей?» (Chetty et al., 2014). В этом вопросе основное внимание уделяется относительным результатам детей из разных социально-экономических слоев общества. Интерпретация оценки относительной межпоколенческой мобильности не может быть однозначной, так как рост доходов детей из бедных семей мог стать результатом сокращения доходов детей из богатых семей. В таком случае это бы означало, что рост межпоколенческой мобильности был обусловлен худшими результатами для богатых, а не лучшими результатами для бедных (Chetty et al., 2014). Относительная межпоколенческая мобильность является более распространенным показателем. В литературе преобладают два способа его измерения: лог-линейный и ранговый методы.

В основе лог-линейного подхода лежит регрессионный анализ с применением метода наименьших квадратов (МНК), где в качестве зависимой переменной берется логарифм дохода детей и регрессируется на логарифм дохода родителей и ряд контрольных переменных. Коэффициент при независимой переменной ($\log Y_i^{par}$) β является эластичностью и показывает, на сколько процентов изменится доход ребенка, если доход родителей изменится на 1%:

$$\log Y_i^{child} = \alpha + \beta \log Y_i^{par} + \varepsilon_i, \quad (1)$$

где Y_i^{child} — доходы детей; Y_i^{par} — доходы родителей.

Более низкая межпоколенческая эластичность означает меньшую зависимость будущих доходов детей от доходов их родителей. Иными словами, относительная величина влияния на доход детей других факторов (собственное образование, амбиции, приложенные усилия) больше. Оценка эластичности доходов детей по доходам их родителей (IGE) является одним из способов оценки межпоколенческой мобильности (IGM). По определению, $IGM = (1 - IGE)$: чем выше эластичность, тем ниже социальная мобильность в обществе.

При использовании рангового подхода необходимо вычислить перцентильные ранги R_i^{child} для доходов детей из основной выборки, используя общий доход детей; затем сделать то же самое для доходов их родителей, присваивая каждому значению дохода ранг R_i^{par} , и оценить следующую модель (Chetty et al., 2014):

$$R_i^{child} = \alpha + \beta R_i^{par} + \varepsilon_i, \quad (2)$$

где R_i^{child} – перцентильный ранг доходов детей; R_i^{par} – перцентильный ранг доходов родителей; β – показатель относительной межпоколенческой мобильности.

Поскольку оба ранга следуют распределению $Uni(0, 1)$ ¹, то для данного распределения коэффициент линейной регрессии совпадает с коэффициентом корреляции:

$$\beta = \text{cov}(R^{par}, R^{child}) / \text{var}(R^{par}) = \text{corr}(R^{par}, R^{child}). \quad (3)$$

В случае другого распределения коэффициент корреляции считается по формуле Пирсона и показывает меру взаимосвязи разброса дохода ребенка относительно среднего дохода ребенка с разбросом дохода родителя относительно среднего дохода родителя. Например, могут быть две страны с одинаковой эластичностью, т.е. с одинаковой устойчивой связью между изменением дохода ребенка и дохода родителей, но с большей корреляцией, т.е. с большей дисперсией и, соответственно, с большей потенциальной мобильностью.

Помимо названных, существуют и другие характеристики межпоколенческой мобильности: абсолютная восходящая мобильность; абсолютная нисходящая мобильность; оценка вероятности перехода от нижнего квантиля к верхнему квантилю распределения доходов; оценка вероятности того, что у ребенка доход семьи будет выше черты бедности при условии дохода родителей на уровне 25-перцентилля и др. Выбор того или иного показателя для оценки связан с задачами, которые ставит перед собой исследователь, и имеющимися в его распоряжении данными.

Стоит отметить, что результаты исследований различались в зависимости от применяемых методов и данных. Поэтому в процессе оценивания межпоколенческой мобильности возникает много вопросов, связанных с точностью и несмещенностью оценок. Существует большой пласт литературы, посвященной решению этих проблем с помощью статистических и эконометрических методов. В ряде случаев внесенные уточнения приводят к принципиальному изменению оценок, но чаще, получая те же результаты, делают модель заслуживающей большего доверия (Mazumder, 2005; Haider, Solon, 2006; Nilsen et al., 2008).

Одна из последних дискуссий о правильности оценивания межпоколенческой мобильности развернулась на страницах журнала «Sociological Methodology» (Lundberg, Stewart, 2020) как реакция на статью профессора Стэнфордского университета П. Митника и его коллег (Mitnik, Bryant, Weber, 2019). Авторы обратили внимание на то, что до сих пор, несмотря на огромное число работ, нет правильных оценок межпоколенческой мобильности. С точки зрения авторов статьи, можно выделить следующие проблемы.

1. Для традиционного подхода является стандартной практикой отбрасывание семей, которые фиксировали нулевой доход, что, естественно, приводит к выборке, которая дает смещенный результат (Mitnik, Bryant, Weber, 2019, p. 6).

2. Традиционный подход к оценке *IGM* основан на неверном истолковании того, что именно оценивается. Практически во всех случаях исследователи предполагали, что они оценивают эластичность ожидаемого среднего дохода детей, тогда как на самом деле они оценивали эластичность среднего геометрического дохода детей (Mitnik, Bryant, Weber, 2019, p. 6).

3. Большинство исследователей исходят из предположения, что эластичность дохода постоянная (Chetty et al., 2014). Возникает вопрос, на который пока нет ответа, действительно ли множество действующих социальных и экономических

¹ Равномерное распределение от 0 до 1.

сил, влияющих на взаимосвязь между родительским доходом и доходом детей, можно хорошо аппроксимировать прямой линией (в логарифмическом пространстве), т.е. можно ли использовать линейные модели (Mitnik, Bryant, Weber, 2019, p.7).

Если вторая и третья проблемы признаются многими экономистами и как один из вариантов ее решения предлагаются различные способы для коррекции уже полученных результатов (Chetty et al., 2014), то решение первой проблемы, по сути, сводится к аккуратным интерпретациям полученных результатов (Lundberg, Stewart, 2020).

Результатами дискуссии стали различные предложения о том, как избежать существующих недостатков оценивания, но консенсуса относительно решения обозначенных проблем и оценки предложений в работе (Mitnik, Bryant, Weber, 2019) пока не сложилось (Mogstad, Torsvik, 2021).

С методологической точки зрения также очень интересными являются способы оценки причинно-следственных связей доходов детей с доходами их родителей и попытки объяснения устойчивости этой зависимости.

Оценить причинно-следственные связи намного сложнее, чем оценить величину эффекта, так как существует большое число ненаблюдаемых факторов, которые могут влиять на зависимую и независимую переменные одновременно, тем самым создавая смещение в оценке параметров. Для решения этой проблемы, которая в литературе получила название «проблема эндогенности», используются различные методы, каждый из которых основывается на поиске экзогенной вариации в данных.

Например, в ряде работ для проверки гипотезы о влиянии наследственности взаимосвязь между доходами братьев (сестер) используется как альтернативная мера межпоколенческого влияния. Положительная корреляция подразумевает, что общие генетические и другие факторы окружающей социальной среды заставляют братьев (сестер) быть более похожими, чем два случайных члена сообщества. Здесь мы видим более высокий коэффициент корреляции в англо-саксонских странах, чем в странах Северной Европы, что подтверждает вывод о меньшей роли семьи в Скандинавских странах, чем, например, в США (Bjorklund, Jantti, Roemer, 2012; Mazumder, 2008).

Для выявления причинно-следственных связей между доходом и /или образованием родителей, с одной стороны, и доходами детей, с другой, используются инструментальные переменные, т.е. экзогенные переменные, которые тесно связаны с доходом (образованием) родителей (независимая переменная) и при этом не имеют прямого влияния на доходы детей (зависимая переменная), а влияют исключительно опосредованно – через доходы / образование родителей (независимая переменная). В ряде работ в качестве инструментальной переменной используется внешний шок от потери отцом работы. Но данный подход не дает однозначных результатов. В работе (Oreopoulos, Page, Stevens, 2008) авторы приходят к выводу, что у сыновей, отцы которых были уволены, годовой доход примерно на 9% ниже, чем у детей, чьи отцы не подверглись увольнению. В то время как в работе (Bratberg, Nielsen, Vaage, 2008) показано, что, несмотря на то что увольнение отца негативно влияет на доход семьи, это не влияет на последующий заработок их детей.

Несколько отличной от представленных в литературе точек зрения является гипотеза Грегори Кларка. На основе исследования семейных фамилий на протяжении поколений по странам и периодам от династии Цин в Китае до современной Швеции он делает вывод о высокой устойчивости социального статуса различных

поколений в семье. И в качестве главной причины столь низкой социальной мобильности Кларк называет передачу от родителей детям генов, которые оказываются полезными для достижения высокого статуса (Clark, 2015). В одной из своих последних работ Г. Кларк с коллегами пытается проверить свою гипотезу на венгерских данных за период 1949–2017 гг. (Bukowski et al., 2021). В результате данного исследования они приходят в том числе к выводу о том, что, несмотря на кардинальные изменения состава политической элиты в переходный период, показатели межпоколенческой мобильности оставались стабильно низкими. При этом потомки венгерских аристократов XVIII в. оставались привилегированными и в 1949 г., и после падения коммунистического режима (Bukowski et al., 2021).

Кроме приведенных выше, в литературе представлены и другие (более или менее удачные) попытки оценить детерминанты изменений межпоколенческой мобильности (Black, Devereux, 2010). Таким образом, несмотря на то что данные работы очень интересны и, несомненно, вносят определенный вклад в лучшее понимание данного вопроса, четко установить причинно-следственную связь, объясняющую относительно высокую межпоколенческую эластичность в ряде регионов, на данном этапе представляется затруднительным и требует дальнейших исследований.

3. Основные направления эмпирических исследований

Помимо определения точности оценок, большая часть исследований в этой области посвящена сравнению величины эластичности по странам и регионам (Solon, 2002; Jantti, 2006; Corak, 2006; Kennedy, Siminski, 2021; Justman, Stiansnie, 2021). Результаты одного из наиболее часто цитируемых исследований (Jantti, 2006) показывают, что наименьший коэффициент межпоколенческой эластичности в Скандинавских странах – в среднем менее 0,2; в Великобритании – примерно 0,3, а в США этот показатель достаточно высок – более 0,5 (табл. 1). В таблице приведены меры чувствительности процентного изменения дохода ребенка к процентному изменению дохода родителя (эластичность) и взаимосвязь вариации доходов родителей и ребенка (корреляция).

При более детальном анализе и сравнении результатов по Скандинавским странам и по США авторы обращают внимание на ряд различий. Во-первых, в США гораздо более низкая социальная мобильность вверх, т.е. переход из самой бедной квантильной группы в группы с более высокими доходами. Более 40% мужчин в США, рожденных в нижнем квантиле (самой бедной группе), там и остаются. По этому показателю социальной мобильности Великобритания гораздо больше похожа на страны Северной Европы, чем на США. Во-вторых, социальная мобильность вниз, т.е. переход из богатых квантильных групп в более бедные, в США также ниже, чем во всех других странах. Менее 10% мужчин в США, рожденных в самом богатом квантиле, оказываются в нижних квантилях, в то время как это обычно имеет место примерно для 15% мужчин северных стран. По этому показателю Великобритания больше похожа на США, чем на страны Северной Европы.

Авторы отмечают, что данные результаты свидетельствуют против традиционного представления об американской исключительности, заключающегося в более высокой скорости социальной мобильности, чем в других странах. В свете этих свидетельств США кажутся исключительными скорее тем, что социальная мобильность там меньше, чем в других развитых странах (Jantti, 2006).

Таблица 1

Коэффициенты эластичности и корреляции

Страна	Эластичность	Корреляция
Мужчины		
Дания	0,071	0,089
Финляндия	0,173	0,157
Норвегия	0,155	0,138
Швеция	0,258	0,141
Великобритания	0,306	0,198
США	0,517	0,357
Женщины		
Дания	0,034	0,045
Финляндия	0,080	0,074
Норвегия	0,114	0,084
Швеция	0,191	0,102
Великобритания	0,331	0,141
США	0,283	0,160

Примечания. Доходы были скорректированы с учетом цен 2000 г. и конвертированы в международные доллары США 2000 г. с использованием обменного курса ОЭСР по ППС за этот год. «Отцы» – из когорты в возрасте от 35 до 64 лет, доходы для Дании взяты за 1980 г., Финляндии – 1975 г., Норвегии – 1974 г., Швеции – 1975 г., Великобритании – 1974 г. и США – 1978 г. «Сыновья» и «дочери» из когорты родившихся – для Дании: 1958–1960 г., Финляндии: 1958–1960 г., Норвегии: 1958 г., Швеции: 1962 г., Великобритании: 1958 г. и США: 1957–1964 г. Их доходы – для Дании: 1998 и 2000 г., Финляндии: 1995 и 2000 г., Норвегии: 1992 и 1999 г. Швеции: 1996 и 1999 г., Великобритании: 1991 и 1999 г., США: 1995 и 2001 г. Самому младшему из когорт детей было 30 лет, а самому старшему – 42 года в те годы, когда измерялся их заработок. Результаты включают только ненулевые наблюдения как потомства, так и отцов.

Источник: Jantti, 2006.

В тех регионах, где нет необходимых данных о доходах, исследователи пытаются оценить межпоколенческую мобильность, используя данные об образовании. Наиболее интересной работой в этой области является исследование межпоколенческой мобильности в Африке (Alesina et al., 2021). Причем, если в статье (Jantti, 2006) целью автора был максимально корректный подсчет межпоколенческой мобильности и сравнение этих показателей между собой в динамике, то в данной работе исследователи не просто сравнивают разные страны и регионы Африки, но и пытаются выявить основные детерминанты различий.

Авторы приходят к выводу, что уровень межпоколенческой мобильности существенно различается как в разных странах Африканского континента, так и в разных регионах одной и той же страны. Грамотность старших поколений является одним из важнейших предикторов как восходящей, так и нисходящей мобильности. При этом устойчивая связь между уровнем образования родителей и детей более существенна для сельской местности, чем для города. Также были выявлены географические и исторические детерминанты межпоколенческой мобильности. Восходящая мобильность выше, а нисходящая ниже в регионах с колониальными

инвестициями в железные дороги и в регионах, близких к христианским, в основном протестантским, миссиям. Расстояние до побережья и столицы положительно связано с межпоколенческой мобильностью. Восходящая мобильность выше в регионах, которые были более развиты на момент обретения независимости, с более высокой урбанизацией и занятостью в сфере услуг (Alesina et al., 2021).

Для выявления причин различий межпоколенческой мобильности по развитым странам авторы используют данные о доходах. Чаще всего оценивают модели на панельных данных с фиксированными эффектами. Так, в работах (Ichino, Karabarbounis, Moretti, 2009; Mayer, Loro, 2008) было показано, что в странах, где государство больше тратит на систему дошкольного и младшего школьного образования, коэффициент межпоколенческой эластичности ниже, т.е. вертикальная мобильность выше. Кроме того, авторы выявили сильную положительную корреляцию между наличием в стране разрыва между богатыми и бедными и межпоколенческой эластичностью.

К аналогичным выводам пришел и М. Корак (Corak, 2013). Выводы его работы были представлены в знаменитом докладе председателя Совета экономических консультантов при Президенте США Алана Крюгера в 2012 г. Данный доклад имел большой резонанс³, так как ставил под сомнение справедливость устройства социально-экономической системы США. В докладе подчеркивалось, что чем выше в стране неравенство, тем выше уровень межпоколенческой эластичности (рис. 1), т.е. доход все больше зависит не от усилий самого человека, а от того, из какой он

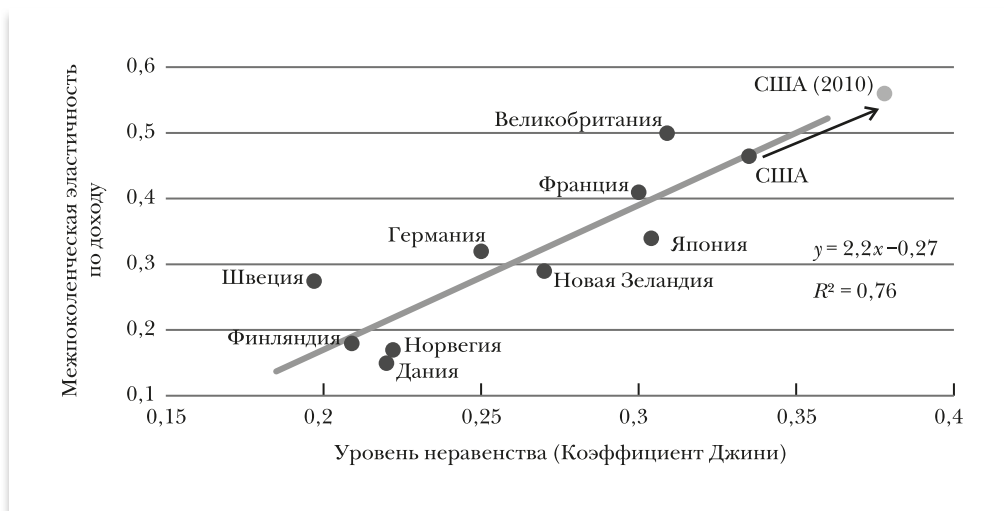

Рис. 1

«Кривая Великого Гэтсби»³. Связи межпоколенческой эластичности и неравенства

Примечание. Неравенство в доходах измеряется коэффициентом Джини с использованием располагаемого дохода домохозяйства примерно за 1985 г., предоставленного ОЭСР. Межпоколенческая экономическая мобильность измеряется эластичностью между заработком отца и заработком взрослого сына с использованием данных о когорте детей, родившихся в период с начала и до середины 1960-х годов, и результатов их взрослой жизни в середине–конце 1990-х годов.

Источник: Corak, 2013, p. 82.

² Данное название графика приводится в цитируемом докладе.

³ <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2019-03-18/princeton-professor-alan-krueger-led-quiet-economics-revolution>

семьи. Это был ответ тем, кто утверждал, что снижение неравенства снижает стимулы трудиться и, соответственно, снижает эффективность экономики.

Не менее интересными для исследователей являются вопросы, связанные с изменениями ситуации во времени. Попытки понять, как межпоколенческая эластичность меняется во времени, дают различные результаты (Hilger, 2015). В то время как анализ данных по Франции во второй половине XX в. (1952–2001) не позволяет выявить какого-либо тренда в изменениях межпоколенческой эластичности (LeFranc, Tranno, 2005; Lee, Solon, 2009), данные по Великобритании примерно за тот же период демонстрируют рост межпоколенческой эластичности (Nicoletti, Ermisch, 2008), а исследования того же периода Скандинавских стран показывают снижение данного показателя (Bratberg, Nielsen, Vaage, 2005; Pekkala, Lucas, 2007). Таким образом, представляется сложным выявить общий тренд для развитых стран.

Особенно интересными в этой области являются выводы, сделанные в работе «Угасание американской мечты» (Chetty et al., 2017). Американская мечта авторами определяется как стремление к тому, чтобы дети жили лучше, чем их родители. Чтобы измерить рост благосостояния, исследователи сравнивают заработки детей с заработками их родителей для поколений, родившихся с 1940 по 1985 г. Авторы приходят к выводу, что в 1940-е годы почти все дети (более 90%) зарабатывали больше своих родителей (рис. 2). В то же время в статье показано, что после войны наблюдается снижение уровня абсолютной мобильности. Это означает, что шансы того, что ребенок добьется большего успеха, чем его родители, на современном этапе резко снизились (менее 50%). Учитывая тот факт, что ВВП на душу населения в этот период устойчиво рос, именно процессы распределения были ответственными за снижение социальной мобильности.

Помимо оценки эластичности и возможности посчитать (количественно оценить) связь между благосостоянием родителей и их детей, исследователей всегда волновал вопрос, через какие механизмы это взаимодействие реализуется, какие

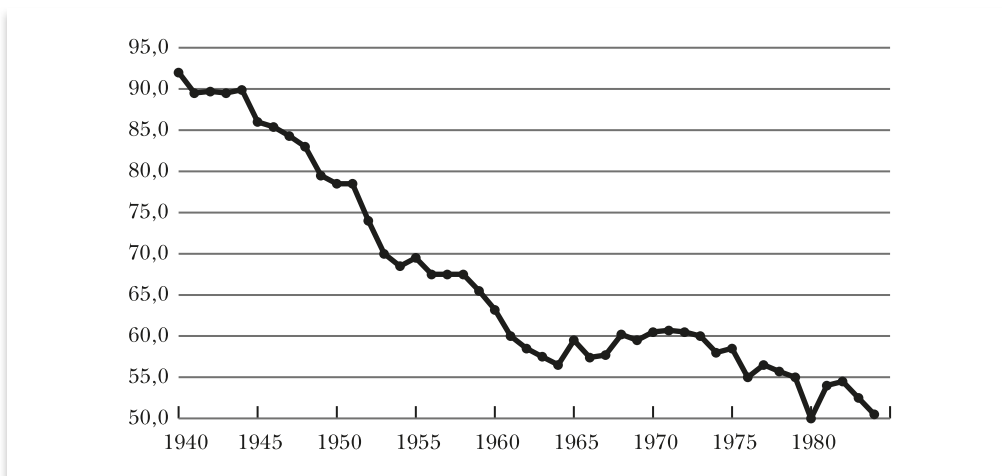

Рис. 2

Угасающая «американская мечта» (*The Fading American Dream*). Процент детей, зарабатывающих больше своих родителей, по годам рождения

Источник: Chetty et al., 2017, p. 398–406.

в основе этих процессов лежат причинно-следственные связи. По мере развития эконометрических методов, появились различные модели, позволяющие решить проблему выявления как основных движущих сил, способствующих росту межпоколенческой эластичности, так и факторов, препятствующих этому процессу.

Чаще всего в литературе выделяют следующие причины существования зависимости благосостояния детей от благосостояния их родителей. Во-первых, наследственность (Black, Devereux, Salvanes, 2009); во-вторых, возможность для более состоятельных родителей предоставить ребенку более качественное образование; в-третьих, использование связей семьи для получения места работы с более высокими доходами и, в-четвертых, поведенческие установки и ценности, получаемые ребенком в семье (Pérez-González, 2006; Hellerstein, Morrill, 2011; Corak, Piraino, 2010).

Одним из наиболее интересных направлений исследований представляется анализ взаимосвязи межпоколенческой мобильности с экономическим ростом. В то же время эндогенность обеих переменных модели создает значительные сложности для выявления причинно-следственных связей, для решения которых исследователи вынуждены искать нестандартные решения.

В 1990-е годы на эту тему были опубликованы достаточно интересные работы, в которых были разработаны теоретические модели, демонстрирующие взаимосвязи экономического развития и межпоколенческой мобильности. Так, например, модель Гэлора–Циддона (Galor, Tsiddon, 1997) показывает, что взаимодействие между технологическим прогрессом, влиянием семьи (фактор принадлежности к семье определенного социально-экономического уровня) и способностями самого индивида значительно влияет как на мобильность доходов между поколениями, так и на экономический рост. В периоды появления новых технологических изобретений эффект собственных способностей преобладает над влиянием родительской среды. Это приводит к росту межпоколенческой мобильности и концентрации человеческого капитала в технологически продвинутых секторах. Эта концентрация, в свою очередь, способствует техническому прогрессу и экономическому росту. На следующем этапе, в период широкого внедрения и распространения технологических инноваций, эффект родительской среды преобладает над эффектом собственных способностей и межпоколенческая мобильность сокращается (Galor, Tsiddon, 1997).

Модель, разработанная А. Оуэном и Д. Вейлом (Owen, Weil, 1998), показывает, что существует взаимная причинно-следственная связь между ростом дохода на душу населения и межпоколенческой мобильностью. Это связано с тем, что повышение мобильности означает лучшее распределение ресурсов, что стимулирует экономический рост. Экономический рост, в свою очередь, ведет к большей мобильности, поскольку рост образованной рабочей силы сокращает разрыв в заработной плате и увеличивает шансы того, что дети малообразованных родителей получают образование (Owen, Weil, 1998).

Среди эмпирических работ следует выделить работу (Mauro, 2017), где была сделана попытка с помощью инструментальной переменной проверить гипотезу о положительном влиянии абсолютной межпоколенческой мобильности на экономический рост. Эндогенность присутствует ввиду того что существует множество факторов, влияющих как на экономический рост, так и на

межпоколенческую мобильность, которые не учитываются в модели, например качество учебных заведений или местные налоговые системы. Для решения данной проблемы используется доля верующих на 1 тыс. человек в определенном регионе в 2000 г. в качестве инструмента для абсолютной межпоколенческой мобильности. Для того чтобы доля верующих была подходящим инструментом, необходимо показать, что он коррелирован с абсолютной межпоколенческой мобильностью, но не коррелирован с экономическим ростом. Для того чтобы убедить читателей, что этот показатель является подходящим инструментом для абсолютной межпоколенческой мобильности, автор ссылается на работу (Chetty et al., 2014), в которой было показано, что в регионах с более высоким уровнем абсолютной межпоколенческой мобильности наблюдается и более высокая доля верующих. По результатам эмпирического анализа автором был сделан вывод, что абсолютная межпоколенческая мобильность значимо положительно влияла на темпы роста в исследуемых регионах США с 2001 по 2011 г. Кроме того, эти результаты показывают, что повышение ожидаемого ранга дохода ребенка, рожденного у родителей, находящихся в 25-перцентиле распределения доходов, на 10 пунктов увеличит ожидаемые темпы экономического роста примерно на 0,8% за анализируемый период, что свидетельствует о том, что мобильность играет важную роль в процессе экономического роста (Mauro, 2017).

Важность исследования межпоколенческой мобильности в данном контексте также объясняется тем, что она помогает показать влияние неравенства доходов на экономический рост. В работе Шехар Айяра и Кристианы Эбеке (Aiyar, Ebeke, 2019) показано, что связь между неравенством доходов и экономическим ростом опосредована уровнем неравенства возможностей, которое они связывают с межпоколенческой мобильностью. Авторы (Aiyar, Ebeke, 2019) показывают, что в экономиках с высокой эластичностью межпоколенческой мобильности наблюдается рост неравенства доходов, который препятствует накоплению человеческого капитала, что, в свою очередь, может замедлить экономический рост в будущем. Авторы приходят к выводу, что негативное влияние неравенства доходов на рост тем выше, чем ниже социальная мобильность. В исследовании делается предположение, что негативное влияние высокой межпоколенческой эластичности на экономический рост происходит посредством трех каналов: через неравный доступ к образованию, неравный доступ на рынок труда и неравный доступ к финансовым ресурсам (ibid.).

Не менее интересным является сюжет, посвященный тому, как уровень межпоколенческой мобильности влияет на представления людей о необходимости вмешательства государства в процесс снижения неравенства. Здесь хотелось бы отметить работу уже цитируемого профессора Гарвардского университета Альберто Алесины и соавторов (Alesina, Stantcheva, Teso, 2018), где авторы исследуют, как восприятия межпоколенческой мобильности формируют предпочтения в отношении роли государства в процессе перераспределения. Они используют результаты опросов для сбора информации о взглядах индивидов на мобильность, справедливость, роль государства и политику перераспределения в пяти странах (Италия, Франция, Швеция, Великобритания и США).

В результате исследований авторы приходят к любопытным выводам. Выясняется, что у респондентов неточное представление о фактической межпо-

коленческой мобильности: американцы слишком оптимистичны по отношению к фактической межпоколенческой мобильности в Соединенных Штатах, а европейцы же слишком пессимистичны по поводу межпоколенческой мобильности в их странах. При этом пессимизм и оптимизм в отношении социальной мобильности в значительной степени коррелируют с политическими предпочтениями: во всех странах более пессимистично настроенные респонденты склонны отдавать предпочтение более щедрой политике перераспределения. Более того, исследователи обнаружили резкую политическую поляризацию, проявляющуюся не только в очень разных исходных взглядах на социальную мобильность, роль государства и перераспределение, но и в различных реакциях на одну и ту же экзогенно предоставленную информацию⁴. При получении пессимистичной информации о социальной мобильности только левые респонденты высказались за увеличение роли государства в снижении неравенства. В то время как представители правых взглядов не изменили своего мнения о роли государства. Авторы связали это обстоятельство с тем, что правые видят в государстве скорее причину проблемы, а не ее решение (Alesina et al., 2018).

Особенную значимость для нашей страны представляют работы экономистов, занимающихся исследованием межпоколенческой мобильности в России. Одним из наиболее интересных является вопрос, как она менялась в процессе трансформации социально-экономической системы, существовавшей в СССР, в рыночную. С теоретической точки зрения сравнение социальной мобильности в СССР и постсоветской России дано в работе (Шкаратан, 2009). Сравнивая мобильность в советский и постсоветский периоды, автор подчеркивает, что переход к рыночной экономике привел к снижению социальной мобильности. По мнению автора, это связано с тем, что переход к рыночным отношениям сопровождался серьезным трансформационным спадом, следствием которого был социальный кризис.

В начале 2000-х годов выходят работы, где на основе данных опросов разные авторы исследуют профессиональные аспекты изменения социальной мобильности в постсоветский период. В частности, показано, что трансформация привела к серьезным изменениям в оценке статуса той или иной профессии и что динамика межпоколенческой мобильности носила вынужденный, адаптивный характер и была вызвана в большей степени деструктивными, чем конструктивными причинами, т.е. исчезновением большого числа профессий и рабочих мест, что сокращало возможности сильнее, чем был рост возможностей за счет появления новых профессий и рабочих мест (Бурлуцкая, 2000; Sabirianova, 2002).

Также стоит отметить эмпирические исследования по данной теме, где авторы приходят к выводам, подтверждающим тезис Шкаратана (Gerber, Hout, 2004). Т. Гербер и М. Хоут, проанализировав данные шести опросов (три – советского периода и три – постсоветского), пришли к выводу, что связь между социальным происхождением и занятостью, существовавшая еще в советский период, с переходом к рыночной экономике усилилась. Ли Юй, анализируя и сравнивая данные по Санкт-Петербургу и Шанхаю, делает вывод о совпадении результатов с результатами исследований американских ученых, в частности, он

⁴ Группе респондентов (группа, подверженная воздействию, treatment group) предлагалось посмотреть видео, где доказывалось, что в стране респондента очень низкая социальная мобильность. Затем через определенное время опрос проводился снова, и исследователи сравнивали, во-первых, ответы представителей этой группы до и после просмотра (воздействия) и, во-вторых, ответы представителей этой группы с ответами представителей контрольной группы, которым видео не показывали.

указывает, что «показатель абсолютной мобильности в двух городах практически одинаков. При этом в Санкт-Петербурге первый этап реформ привел к уменьшению восходящей мобильности между поколениями; в течение трех выделенных периодов масштабы нисходящей мобильности непрерывно увеличиваются. В Шанхае наблюдается противоположная тенденция: более высокий уровень абсолютной межпоколенческой мобильности. Что касается относительной мобильности в Санкт-Петербурге в 1992 г., то здесь следует констатировать усиление связи между поколениями. Данная тенденция говорит о снижении мобильности. В Шанхае же в начальный период реформ связь между поколениями заметно уменьшилась. Это свидетельствует об увеличении межпоколенческой мобильности.

Однако стоит отметить, что в работах отечественных исследователей на данных более позднего периода этот вывод не подтверждается. Используя данные 11 опросов с 1991 по 2011 г., А. Бессуднов показывает, что связь между социальным происхождением и профессиональной занятостью со временем не усилилась (Bessudnov, 2014). Кроме того, Г. Ястребов, используя данные опросов 1994, 2002, 2006 и 2013 г., проводившихся с целью получения репрезентативных данных о характере социальной стратификации и социального воспроизводства в постсоветской России, приходит к выводу, что в постсоветской России социальные траектории оказались в меньшей степени обусловлены социальным происхождением, чем в советский период (Ястребов, 2016). При этом автор подчеркивает неоднозначность полученных результатов: «несмотря на то что доступ к более высоким ступеням образования все же стал относительно более открытым, преимущества социального происхождения находят способы реализовать себя через другие возможные “маршруты” на пути к положению в социальной структуре – например рынок труда» (Ястребов, 2015).

Помимо сравнения социальной мобильности в России во времени, интерес представляют работы, где проводится сравнение определенных аспектов социальной мобильности в России и других европейских странах.

Используя результаты Европейского социологического исследования (ESS)⁵, В.А. Прохода показывает, что государства, где проводилось исследование ESS, сильно отличаются по уровню выявленной связи между образованием родителей и образованием детей (Прохода, 2019). Относительно образования отца коэффициенты корреляции распределились между двумя крайними точками: наиболее низкая зависимость наблюдалась в Исландии – $r = 0,330$, наиболее высокая – в Венгрии – $r = 0,631$. При этом Россия имеет среднюю, исходя из европейского уровня, корреляционную связь образования детей с образованием отца ($r = 0,429$) и матери ($r = 0,433$).

У значительного числа стран Европы прослеживается восходящая образовательная мобильность, т.е. дети получают более высокий уровень образования, чем их родители. На этом фоне РФ, где примерно 2/3 респондентов повысили уровень образовательного статуса в сравнении с отцом и больше половины в сравнении с матерью, демонстрирует близкие к среднеевропейским показатели. Это также подтверждается данными о нисходящей мобильности. В странах Европы по отцу нисходящая образовательная мобильность составляет от 2,2% в Португалии и до 22,8% в Исландии. В РФ этот показатель по линии отца

⁵ ESS: <http://www.europeansocialsurvey.org/>

составляет 8,5%, а по линии матери – 11%. Таким образом, Россия находится в числе стран с небольшим уровнем нисходящей образовательной мобильности. В результате делается вывод, что динамика межпоколенческой образовательной мобильности в России отвечает европейским тенденциям (Прохода, 2019). К аналогичному выводу приходит и А. Бессуднов в цитируемой выше работе. Автор обращает внимание на то что в России величина эффекта родительского статуса на доходы детей аналогична величине данного эффекта в других европейских странах (Bessudnov, 2014).

Если говорить о месте России по показателям социальной мобильности, то большинство авторов приходят к выводу, что структура мобильности в российском обществе крайне нестабильна. Наибольшая устойчивость характерна для нижнего и верхнего квантилей, где чаще всего встречается ситуация отсутствия мобильности, в то время как в средних квантилях наблюдается разнонаправленная мобильность (Бурлуцкая, 2000; Социальная мобильность ..., 2019; Мареева, Слободенюк, 2020). Если сравнивать с развитыми странами, то, как следует из упомянутых выше исследований (см. табл. 1), данная ситуация ближе всего к тому, что можно наблюдать в США и в определенной степени в Великобритании и принципиально отличается от структуры социальной мобильности в Скандинавских странах и странах Западной Европы.

Заключение

Уровень межпоколенческой мобильности играет большую роль в «самооценке общества», т.е. в том, насколько справедливым оно себя считает. Такая самооценка может серьезно влиять на общественные настроения, степень удовлетворенности жизнью и т.д., поэтому представляется очень важным правильно оценить показатели, которые отражают зависимость экономического благополучия детей от образования, социального статуса и доходов их родителей.

В экономической литературе последних десятилетий достигнут консенсус относительно существования устойчивой статистической взаимосвязи между благосостоянием поколений. Наибольшее внимание исследователи уделяют относительной мобильности. В частности, работы по США показывают: несмотря на то что точечные оценки относительной межпоколенческой мобильности варьируют количественно, они все находятся в достаточно узком диапазоне – от 0,287 до 0,334 (Chetty et al., 2014). Также в работах демонстрируются межстрановые различия в уровне относительной межпоколенческой мобильности. При использовании одинаковых методологий оценки на сопоставимых данных показано, что в Скандинавских странах относительная межпоколенческая мобильность на порядок выше.

В то же время большинство работ ограничиваются оценками корреляции, не устанавливая причинно-следственных связей. Это объясняется тем, что зависимость между доходами детей и родителей скрывает множество факторов, совместно определяющихся в равновесии. Таким образом, появляется проблема эндогенности, традиционное решение которой – поиск экзогенной вариации – не всегда лежит на поверхности.

Мы полагаем, что в перспективе исследователям стоит обратить большее внимание на следующие методологические аспекты. Во-первых, многих дискус-

сий об адекватности спецификаций эмпирических исследований можно было бы избежать, если бы оцениваемые уравнения основывались на выводах из теоретических моделей. Поэтому хотелось бы видеть больше теоретических оснований в эмпирических работах. Во-вторых, нельзя не согласиться с (Mogstad, Torsvik, 2021) в том, что нормативные выводы из работ, устанавливающие причинно-следственные связи, нужно делать с осторожностью. В частности, с одной стороны, есть представления, что нужно добиваться максимального равенства возможностей, что у детей из бедных семей должны быть равные шансы на успех в сравнении с детьми из богатых семей. Но, с другой стороны, дети богатых родителей чаще зарабатывают больше отчасти потому, что имеют более высокий уровень образования, так как их родители больше инвестируют в человеческий капитал (в своих детей) (Black, Devereux, 2010).

Тем не менее, выводы экономистов и социологов в данной сфере могут быть использованы политиками, во-первых, для достижения более справедливого общества через создание равных условий для детей из всех социально-экономических групп и, во-вторых, для создания условий для рационального использования обществом человеческого капитала, чтобы борьба за обеспечение равенства не приводила к недоинвестированию в воспроизводство такого капитала.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Бегеманн Б., Ваньке А.В., Голенкова З.Т., Епихина Ю.Б., Коленникова Н.Д., Петрович Я.** и др. (2019). Социальная мобильность в усложняющемся обществе: объективные и субъективные аспекты. В.В. Семенова, М.Ф. Черныш, П.Е. Сушко (отв. ред.). М.: ФНИСЦ РАН. [**Begemann B., Van'ke A.V., Golenkova Z.T., Epikhina Yu.B., Kolennikova N.D., Petrovich Ya.** et al. (2019). *Social mobility in an increasingly complex society: Objective and subjective aspects*. V.V. Semenova, M.F. Chernysh, P.E. Sushko (resp. eds.). Moscow: FCTAS RAS (in Russian).]
- Бурлуцкая М.** (2000). Межпоколенная мобильность в современной России: новые возможности или новые препятствия? В кн.: Проблемы, успехи и трудности переходной экономики: Опыт России и Беларуси. М.: МОНФ. [**Burluckaya M.G.** (2000). Intergenerational mobility in modern Russia: New opportunities or new obstacles? In: *Problems, successes and difficulties of an economy in transition: The experience of Russia and Belarus*. Moscow: MONF (in Russian).]
- Мареева С., Слободенюк Е.** (2020). Застрявшие в бедности и сохранившие богатство: индивидуальная мобильность по доходам в России // *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*. № 3–4 (131). С. 100–115. [**Mareeva S., Slobodenyuk E.** (2020). Stuck in poverty and preserving wealth: Individual income mobility in Russia. *The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions*, 3–4 (131), 100–115 (in Russian).]
- Прохода В.А.** (2019). Межпоколенческая образовательная мобильность в России и других европейских странах. Социальная стратификация в цифровую эпоху: к 130-летию со дня рождения Питирима Сорокина. XIII Международная научная конференция «Сорокинские чтения – 2019»: Сборник материалов. М.: МАКС Пресс. С. 1597–1600. DOI: 10.29003/m978-5-317-06137-1 [**Prohoda V.A.** (2019). Intergenerational educational mobility in Russia and other European countries. Social stratification in the digital age: to the 130th anniversary of the birth of Pitirim Sorokin.

- XIII International Scientific Conference "Sorokin Readings – 2019": Collection of articles.* Moscow: MAKS Press, 1597–1600. DOI: 10.29003/m978-5-317-06137-1 (in Russian).]
- Сорокин П.** (1992). Человек, цивилизация, общество. М.: Политиздат. [**Sorokin P.** (1992). *Man, civilization, society*. Originally published in 1927. Moscow: Politizdat (in Russian).]
- Шкаратан О.И.** (2009). Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп». [**Shkaratan O.I.** (2009). *Socio-economic inequality and its reproduction in modern Russia*. Moscow: ЗАО "OLMA Media Group" (in Russian).]
- Ястребов Г.** (2015). Динамика социальной мобильности в России в длительной исторической перспективе. Препринт WP17/2015/01 Серия WP17. Режим доступа: https://wp.hse.ru/data/2015/03/23/1093463280/WP17_2015_01__.pdf [**Yastrebov G.** (2015). *The dynamics of social mobility in Russia in a long historical perspective*. Preprint WP17 / 2015/01 WP17 Series. Available at: https://wp.hse.ru/data/2015/03/23/1093463280/WP17_2015_01__.pdf (in Russian).]
- Ястребов Г.А.** (2016). Социальная мобильность в советской и постсоветской России: новые количественные оценки по материалам представительных опросов 1994, 2002, 2006 и 2013 гг. Часть I // *Мир России*. Т. 25. № 1. С. 7–34. [**Yastrebov G.A.** (2016). Social mobility in Soviet and post-Soviet Russia: New quantitative estimates based on the materials of representative surveys in 1994, 2002, 2006 and 2013. Part I. *World of Russia*, 25, 1, 7–34 (in Russian).]
- Aiyar S., Ebeke C.** (2019). Inequality of opportunity, inequality of income and economic growth. *IMF Working Paper*, WP/19/34.
- Alesina A., Hohmann S., Michalopoulos S., Papaioannou E.** (2021). Intergenerational mobility in Africa. *Econometrica*, 89 (1), 1–35.
- Alesina A., Stantcheva S., Teso E.** (2018). Intergenerational mobility and preferences for redistribution. *American Economic Review*, 108 (2), 521–54.
- Almas I., Cappelen A., Sorensen E., Tungodden B.** (2010). Fairness and the development of inequality acceptance. *Science*, 328 (5982), 1176–1178.
- Bessudnov A.** (2014). Parental occupational status and labour market outcomes in Russia. *Higher School of Economics Research Paper No. WP BRP 36/SOC/2014*.
- Bjorklund A., Jantti M., Roemer J.** (2012). Equality of opportunity and the 2791 distribution of long-run income in Sweden. *Social Choice & Welfare*, 39, 675–696.
- Black S., Devereux P.** (2010). Recent developments in intergenerational mobility. *NBER Working Paper no. 15889*.
- Black S., Devereux P., Salvanes K.** (2009). Like father, like son? A note on the intergenerational transmission of IQ scores. *Economics Letters*, 105, 138–140.
- Bratberg E., Nielsen O., Vaage K.** (2005). Intergenerational earnings mobility in Norway: Levels and trends. *Scandinavian Journal of Economics*, 107, 419–35.
- Bratberg E., Nielsen O., Vaage K.** (2008). Job losses and child outcomes. *Labour Economics*, 15, 591–603.
- Bukowski P., Clark G., Gaspar A., Peto R.** (2021). Social mobility and political regimes: Intergenerational mobility in Hungary, 1949–2017. *International Inequalities Institute Working Papers*, 67. London: London School of Economics and Political Science.
- Cappelen A., Konow E., Tungodden S.** (2013). Just luck: An experimental study of risk taking and fairness. *American Economic Review*, 103, 1398–1413.

- Chetty R., Grusky D., Hell M., Hendren N., Manduca R., Narang J.** (2017). The fading American dream: Trends in absolute income mobility since 1940. *Science*, 356, 398–406.
- Chetty R., Hendren N., Kline P., Saez E.** (2014). Where is the land of opportunity? The geography of intergenerational mobility in the United States. *The Quarterly Journal of Economics*, 129 (4), 1553–1623.
- Clark G.** (2015). *The son also rises: Surnames and the history of social mobility (The Princeton Economic History of the Western World)*. Princeton: Princeton University Press.
- Corak M.** (2006). Do poor children become poor adults? Lessons from a cross country comparison of generational earnings mobility. *IZA Discussion Papers*, no. 1993. Bonn: Institute for the Study of Labor (IZA).
- Corak M.** (2013). Income inequality, equality of opportunity, and intergenerational mobility. *Journal of Economic Perspective*, 27, 79–102.
- Corak M., Piraino P.** (2010). *Intergenerational earnings mobility and the inheritance of employers*. Unpublished. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1591703. Revised version published as: 'The Inheritance of Employers and Nonlinearities in Intergenerational Earnings Mobility'. In: K. Basu, J. Stiglitz (eds.). *Inequality and growth: Patterns and policy*. London: Palgrave Macmillan, 1–34.
- Gaertner W., Schwettmann L.** (2007). Equity, responsibility and the cultural dimension. *Economica*, 74, 627–649.
- Galor O., Tsiddon D.** (1997). Technological progress, mobility, and economic growth. *The American Economic Review*, 87 (3), 363–382.
- Gerber T., Hout M.** (2004). Tightening up: Declining class mobility during Russia's market transition. *American Sociological Review*, 69, 677–703.
- Haider S., Solon G.** (2006). Life-cycle variation in the association between current and lifetime earnings. *American Economic Review*, 96, 1308–1320.
- Hellerstein J., Morrill M.** (2011). Dads and daughters: The changing impact of fathers on women's occupational choices. *The Journal of Human Resources*, 46 (2), 333–372.
- Hilger N.** (2015). The great escape: Intergenerational mobility since 1940. *Working Paper no. 21217*. National Bureau of Economic Research.
- Ichino A., Karabarbounis L., Moretti E.** (2009). The political economy of intergenerational income mobility. *Discussion paper no. 4767*. Bonn: Institute or the Study of Labor (IZA).
- Jantti M.** (2006). American exceptionalism in a new light: A comparison of intergenerational earnings mobility in the Nordic countries, the United Kingdom and the United States. *IZA Discussion Papers*, no. 1938. Bonn: Institute or the Study of Labor (IZA).
- Justman M., Stiassnie H.** (2021). Intergenerational mobility in lifetime income. *Review of Income and Wealth*. DOI: 10.1111/roiw.12505
- Kennedy T., Siminski P.** (2021). Are we richer than our parents were? Absolute income mobility in Australia. *IZA Discussion Papers*, no. 14417.
- Lee Chul-In, Solon G.** (2009). Trends in intergenerational income mobility. *Review of Economics and Statistics*, 91, 766–772.
- LeFranc A., Trannoy A.** (2005). Intergenerational earnings mobility in France: Is France more mobile than the US? *Annales d'Economie et de Statistique*, 78, 57–77.
- Lundberg I., Stewart B.** (2020). Comment: Summarizing income mobility with multiple smooth quantiles instead of parameterized means. *Sociological Methodology*, 50 (1), 96–111.

- Mauro J.** (2017). Essays on intergenerational mobility and economic growth. *Fordham University, ProQuest Dissertations Publishing*, 10268027.
- Mayer S., Lopoo L.** (2008). Government spending and intergenerational mobility. *Journal of Public Economics*, 92 (1–2), 139–158.
- Mazumder B.** (2005). Fortunate sons: New estimates of intergenerational mobility in the U.S. using social security earnings data. *Review of Economics and Statistics*, 87, 235–255.
- Mazumder B.** (2008). Sibling similarities and economic inequality in the US. *Journal of Population Economics*, 21, 685–701.
- Mitnik P., Bryant V., Weber M.** (2019). The intergenerational transmission of family-income advantages in the United States. *Sociological Science*, 6, 380–415.
- Mogstad M., Torsvik G.** (2021). Family background, neighborhoods and intergenerational mobility. *Working paper no. 2021–67*.
- Nicoletti C., Ermisch J.** (2008). Intergenerational earnings mobility: Changes across cohorts in Britain. *The B.E. Journal of Economic Analysis & Policy*, 7 (2). DOI: 10.2202/1935-1682.1755
- Nilsen O., Vaage K., Aakvik A., Jacobsen K.** (2008). Estimates of intergenerational elasticities based on lifetime earnings. *IZA Discussion Papers no. 3709*. Available at: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/35083/1/58119795X.pdf>
- Oreopoulos P., Page M., Stevens A.** (2008). The intergenerational effects of worker displacement. *Journal of Labor Economics*, 26, 455–483.
- Owen A.L., Weil D.N.** (1998). Intergenerational earnings mobility, inequality and growth. *Journal of Monetary Economics*, 41, 71–104.
- Pekkala S., Lucas R.** (2007). Differences across cohorts in Finnish intergenerational income mobility. *Industrial Relations*, 46, 81–111.
- Pérez-González F.** (2006). Inherited control and firm performance. *American Economic Review*, 96, 1559–1588.
- Rawls J.** (1958). Justice as fairness. *The Philosophical Review*, 67 (2), 164–194.
- Rawls J.** (1971). *A theory of justice*. Cambridge: Harvard University Press.
- Roemer J.** (2004.). Equal opportunity and intergenerational mobility: Going 2992 beyond intergenerational income transition matrices. In: M. Corak (ed.). *Generational 2993 income mobility in North America and Europe*. New York: Cambridge University Press.
- Roemer J., Trannoy A.** (2016). Equality of opportunity: Theory and measurement. *Journal of Economic Literature*, 54 (4), 1288–1332.
- Sabirianova K.** (2002). The great human capital reallocation: A study of occupational mobility in transitional Russia. *Journal of Comparative Economics*, 30, 191–217.
- Schokkaert E., Devooght K.** (2003). Responsibility-sensitive fair compensation in different cultures. *Social Choice and Welfare*, 21, 207–42.
- Solon G.** (1992). Intergenerational income mobility in the United States. *American Economic Review*, 82, 393–408.
- Solon G.** (2002). Cross-country differences in intergenerational earnings mobility. *Journal of Economic Perspectives*, 16, 59–66.

Поступила в редакцию 18.07.2021

Received 18.07.2021

N.A. Rozinskaya

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

T.A. Drobyshevskaya

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Quantitative estimates of intergenerational mobility

Abstract. The article is about intergenerational mobility – one of the most important factors determining both the level of actual inequality in a society and the willingness of such society to tolerate this level. First part of the article provides a review of modern literature on quantitative estimates of intergenerational mobility. The main indicators and discussion issues related to the accuracy of assessing intergenerational mobility are considered, as well as methods for assessing the reasons for the dependence of heirs' income on parental income. Second part provides an overview of the main approaches used in applied research in this area. Among them are the comparison of intergenerational mobility across countries and its relationship with social inequality, changes in intergenerational mobility over time, and the relationship between intergenerational mobility and economic growth. Particular attention is paid to the results of applied research based on Russian data. The original character of the work is in the fact that, giving an overview of research in the field of intergenerational mobility, the authors address not only the issue of what certain researchers claimed, but also what methods are used in the literature on intergenerational mobility to support the conclusions.

Keywords: *income inequality, intergenerational mobility, intergenerational elasticity, quantitative estimates of inequality.*

JEL Classification: Z13, Z18, O15.

For reference: **Rozinskaya N.A., Drobyshevskaya T.A.** (2022). Quantitative estimates of intergenerational mobility. *Journal of the New Economic Association*, 5 (57), 93–111. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-57-5-6